23 ФЕВРАЛЯ

ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ!

Примите мои искренние поздравления с Днём защитника Отечества.

Этот праздник является символом мужества, доблести и патриотизма.

23 февраля мы чествуем людей, которые готовы противостоять угрозам безопасности нашей страны.

В современных условиях, безусловно, в первую очередь слава тем, кто служит в Вооружённых силах нашей страны, является защитником Отечества, находится на передовой, несёт нелёгкую вахту на море, в небе и на земле.

Россия по праву гордится своими сыновьями, которые ратным трудом, а порой и жизнью обеспечивают безопасность нашей страны.

Вспоминаем всех тех, кто посвятил себя служению Родине, сражался за неё и побеждал. Их героизм, мужество, стойкость и отвага являются надёжным примером для сегодняшних и будущих поколений россиян.

Желаю вам и вашим близким крепкого здоровья, мирного неба над головой и уверенности в завтрашнем дне!

С уважением,
Юрий БУЧНЕВ,
Герой Российской Федерации,
полковник запаса

Николай ПОЛОТНЯНКО

ТЁМНАЯ СИЛА

- 1 -

Электрик Ронжин прожил две трети из своей предпенсионной жизни точно так же, как её проживают все не обременённые высшим образованием русские мужики, не торопясь, не задумываясь, не обижаясь на судьбу, что она определила ему своё счастье жить на краю областного города в рубленой избе и вот уже два десятка лет вкручивать лампочки и чинить электропроводку всему околотку, получать за это зарплату в жилищно-коммунальной конторе. Бывали у него, и не так уж и редко, шабашки, но эти деньги он жене не отдавал, тратил в основном на выпивку, к которой приохотился незаметно для себя самого. Правда, водка ещё не взяла над ним верх, и они существовали как бы на равных: то она вдруг без всякого повода понесёт его к магазину, то сам он среди застолья вдруг возьмёт и заартачится: не буду пить – и баста!

– Как не будешь, Лёха! – начинали шуметь мужики. – Ты деньгами, как и все, вложился, а теперь как? Отливать тебе твою долю от общей бутылки?.. Нет уж, ты не дури, пей свои сто пятьдесят – и катись на все четыре стороны!

– Другой раз больше плеснёте. Меня нынче дома ждут.

– Нет, другого раза не будет, – настаивали собутыльники, но Ронжин не оглядываясь покидал компанию, чем вводил кого в недоумение, а кого в радость оставленной водкой.

Проходил день, другой, иногда и неделя, и Ронжин не брал в рот ни капли, а потом наступали дни, когда он вечером без бутылки домой не являлся, ставил её на обеденный стол

и говорил тревожно поглядывающей на него супруге:

– Сооруди-ка, Мария Кузьминична, на закусочку что-нибудь существенное...

– Борщ на плите, там же котлеты, вермишель, – отвечала жена и уходила в свою комнату, где сразу начинала кашлять и стонать. Она уже пятый год маялась от затяжной простуды, доктора то находили у неё лёгочное заболевание, то оно вдруг само собой рассасывалось, но от этого ей легче не становилось. Одышка и слабость в ногах заставили её расстаться с живностью, а Ронжины держали и коз, и свиней, как, впрочем, и все, кто жил на их улице, которая заканчивалась заболоченным лугом, поросшим осокой, камышом и мелким кустарником.

Вот и сегодня, выпив стаканчик водки, Ронжин до пота хлебал горячий и густой борщ, затем выпил ещё стаканчик, спросил супругу:

– Кроли ещё не все передохли?

– Кто их знает? – сказала Мария из своей комнаты. – Я из дома не выходила. Сил никаких нет. Еле-еле смогла картошки для борща начистить.

– Ладно, я пойду, гляну, – он поднялся со стула и заглянул к жене. – Тебе что-нибудь надо?

Мария подняла на мужа измученный взгляд.

– Присядь рядышком, Лёшенька. В обед я прикорнула и сон видела, что постучался к нам старичок. Я вышла на крыльцо, а он говорит: «Хвораешь, доченька?» – «Хвораю, да так, что сил моих нет!» – «А я затем и пришёл, чтобы помочь твоему горю». Я говорю: «Не руки же мне на себя накладывать?» – «Зачем, – говорит старичок, – как только тебе муж скажет, чтоб ты умерла, так и будет».

– Ты, часом, не чокнулась? – хмыкнул Ронжин.

– Я и сама в этот сон не верю, – тихо сказала Мария. – Но вдруг это правда?

– Что правда? – не понял Ронжин.

– То, что ты одним словом сможешь избавить меня от мук, – горько вымолвила Мария. – Ведь сил у меня нет дальше болеть. Болею, болею, а конца-то нет... Чем это я Богу не угодила, что он меня не берёт к себе?

Жалко стало до слёз Ронжину свою Марию, он сглотнул сухой комок в горле, смахнул с глаз слезинки, взял её руку и прижал к своим губам.

– Не горюй, ты не одна, – прошептал он. – А чему быть, того не миновать.

– Так-то оно так, – вздохнула Мария. – Только больной здоровому плохой товарищ и никудышный помощник. Ты лучше скажи мне это слово. Сразу и я отмучаюсь, и ты.

Ронжин резко встал и молча вышел из дома. Сел на крыльцо, закурил и задумался. Затем достал из кармана мобильник и позвонил дочери. Он хотел поделиться с ней тем, что услышал от Марии, но пока шли сигналы вызова, передумал. Дочь была на шестом месяце беременности вторым ребёнком, и её не стоило беспокоить выдумками больной матери. Поэтому спросил первое, что пришло на ум:

– Как вы там?

– Как всегда. Вася патрулём ушёл по гарнизону, Олежка спит, а я постирушками занялась. А как ты, как мама?

– Пока живы...

Выключив мобильник, Ронжин подумал, что пора опорожнить очередной стограммовый стаканчик водки и уже начал подниматься на ноги, как вдруг его ожгла мысль, что ведь он не далее как несколько дней назад на этом же самом месте произнёс те слова, которые его только сейчас со слезами на глазах умоляла сказать Мария. Сказал, правда, наедине с самим собой, не прошептал даже, а в уме, но ведь сказал. И пусть никто их не слышал, но он-то об этом знает. Но если знает человек, то об этом неизбежно знает и Бог.

«Чёрт меня дёрнул за язык, – сокрушался Ронжин. – Делов-то, кипяточку плеснула случайно на штаны, а как я взбеленился, и выматерился, и, выбежав на крыльцо, пожелал ей поскорее загнуться. А Марии сегодня сон как раз подоспел, хотя говорят, что сон в руку до обеда, а она после обеда заснула».

Он встал с крыльца и прошёлся по двору, пытаясь отвлечься от дурных мыслей каким-нибудь делом. Дом был старым, но ещё

крепким. Дед срубил его после Гражданской войны в родной деревне, где он простоял до конца пятидесятых годов, когда отец, устав маяться с молодой женой в заводском бараке, раскатал его на брёвна и собрал на трёх сотках земли, которые ему выделили под домовладение на окраине города.

За последующие полвека своего стояния дом оброс всякими постройками – сараем для дров и угля, хлевом, где держали корову, курятником, голубятней, баней и «царским местом», куда хозяева не заглядывали, потому что все удобства со временем были устроены в доме: и ванная с душем, и туалет, и водяное отопление. Дворовые постройки были сколочены из досок и жердей и сильно обветшали, а кое-где и насквозь прогнили, но Ронжин почему-то не сносил их, хотя надобности в них не было. Несколько кроликов содержались в бывшем дровяном сарае, и хозяин сам присматривал за ними.

Мысль о том, что слово проклятия всё-таки было им произнесено, поразила Ронжина, и он на какое-то время даже забыл по дороге к крольчатнику, куда направился.

«Как же я это так?» – с недоумением вопрошал он, глядя то в небо, покрытое непроглядной облачной мглой, то упёршись взглядом в землю. Ответ на вопрос являлся довольно скоро и без всякой подсказки со стороны.

«Я ведь пожелал худа до того, как ей приснился этот проклятый старикашка! – обрадовался он. – Значит, всё, что было до его слов, не имеет силы».

На радостях он хотел остограммиться, почти шагнул на крыльцо, но удержал ногу и мысленно пообещал себе, что никогда не произнесёт этого слова – ни в хмелю, ни в трезвости. И в этой клятве не было вранья. Ронжин любил свою Машеньку, но избегал признаваться в этом и ей, и самому себе даже в молодости, когда им случалось сходиться для сладкой потехи. В последние годы из-за болезни жены это было всё реже и реже, а пару лет назад Ронжин и вовсе переселился из спальни в другую комнату, чтобы поставить в этом вопросе супружеской жизни окончательную точку.

Однако повелевают своей натурой только монахи, и то не все, а Ронжин был вполне здоровым мужиком, едва переступившим за своё сорокапятилетие, который не гнушался ни горьким, ни сладким. Только где этого сладкого взять, чтобы не попасть впросак перед супругой, которая нет-нет да и поглядывала на него испытующим взглядом и со слезой в голосе вопрошала:

– С кем это ты, Лёшенька, вчера припозднился?

– Как где, на шабашке был. Проводку на даче ставил с Серёжкой. А ты что подумала?

– Тут и думать нечего, – повздыхав, говорила Мария. – На шабашке был, а явился трезвый как стёклышко.

– Я и сейчас с работы пришёл трезвый. Нет, ты говори, что у тебя на уме?

– Ничего у меня там нет, – начинала заливаться слезами Мария. – Дура я, дура!..

В ответ на бабий укор Ронжин уходил в крольчатник, включал свет, усаживался на табуретку и устраивал для успокоения нервов газетную читку вслух.

– Так, как там поживает госпожа Васильева, королева «Оборонсервиса»?..

Кролики прядали ушами, поблёскивали раскосыми очами и поначалу вели себя смирно. Однако выдержки хватало ненадолго, зверушки начинали возню, толкотню. Ронжин грозил им пальцем и укоризненно выговаривал:

– И не надоело вам шоркаться день и ночь? Вы не в Австралии. Это Россия. Вот выкину на мороз, так сразу поймёте, каково здесь жить и размножаться.

- 2 -

Потоптавшись возле крыльца, Ронжин прошёл в палисадник перед домом, раздвинул куст красной смородины и, сорвав несколько веточек с переспелыми ягодами, освежил пересохший рот сладковато-кислым соком. Хозяйским глазом оглядел фасад и подумал, что надо бы обновить покраской оконные наличники и рамы. Подумал и тут же забыл – в кармане тренькнул мобильник, но пока Ронжин

его вынимал, умолк. Он глянул на определитель номера и хмыкнул: это давала о себе знать Лялечка, мол, позвони мне, как освободишься. Ронжин прошёл к северной глухой стене дома, воровато оглянулся по сторонам и нажал на клавишу вызова абонента.

– Хочешь, угадаю, где ты сейчас находишься? – пропела Лялечка.

– И где же?

– Смотришь, как и я, по телевизору сериал? Угадала?

– Ем с куста смородину.

– Какая прелесть! – воскликнула Лялечка. – А у меня опять лампочка перегорела. Требуется электрик.

– Оформи, как положено, вызов в ЖЭУ, – жарко выдохнул Ронжин в трубку.

– Может, обойдёмся без формальностей? – хихикнула Лялечка. – У меня к тебе серьёзный разговор.

Ронжин выключил мобильник и усмехнулся. С Лялечкой не соскучишься, она, несмотря на свой сороковник, была всегда весела, игрива и сумела свои отношения с ним сделать приятной для обоих и ни к чему серьёзному не обязывающей забавой. Ронжин, хотя и был знаком с ней более двух лет, никак не мог понять, когда она говорит правду, а когда прикалывается, и на все его попытки уличить её в выдумках отвечала, жеманно топыря губки:

– Ах, что мне делать, если я всегда права!

Однако Лялечка не была простушкой и о себе ничего не рассказывала. Ронжин про неё знал только то, что она была замужем, но по какой-то причине не родила. Кирпичный особняк достался ей от родителей, сумевших оставить своей дочери внушительное даже по современным меркам домовладение с садом и огородом, которые хозяйка содержала в порядке, используя наёмных работников, благо, что безработных в округе было полным-полно.

– Ах, что мне делать, если я так умна! – восклицала Лялечка всякий раз, когда ей удавалось облапошить в своём салоне оккультных услуг доверчивую клиентку.

Ронжина проницательная гадалка заполучила в свои сети не с помощью карт, присушки и других хитростей. Он достался ей даром. Сам пришёл, вопреки хамским повадкам сантехников надел поверх своей обуви бахилы и осведомился:

– Показывайте, где и что у вас не работает.

Лялечка восхищённо глядела на медицинскую обувку электрика, и в её обвешанной бигуди голове тренькнуло: «Это он...»

И, указав на перегоревшую лампочку, кинулась наводить марафет.

– Что я могу поделать, если вижу любого мужчину насквозь, – сказала она зеркалу, подсушивая кудёрушки феном. – Он явно не хам, весьма пригож, и руки у него чистые, и ногти подстрижены...

Ронжин, не догадываясь, что хозяйка производит ему ревизию, вкрутил новую лампочку, щёлкнул выключателем и осмотрелся в комнате. Она была довольно уютной: мягкий диван, круглый стол посередине на толстых вычурных ножках, в каждом углу по невысокому узкому шкафу и вдоль стены несколько стульев. Ронжин подошёл к столу и стал заинтересованно разглядывать довольно большой, размером с волейбольный мяч, прозрачный, по-видимому, хрустальный шар, покоившийся на чёрной пирамиде-подставке. Лёгким касанием пальцев он привёл шар в движение, и тот из прозрачного вдруг стал молочного цвета, затем снова приобрёл прозрачность, по нему, вспыхивая, пробежали крохотные огоньки, которые отразились на потолке и стенах.

– Извините, я нечаянно коснулся шара, – сказал Ронжин, заслышав шаги хозяйки.

– Что я могу поделать, если этот шар привлекает внимание мужчин больше, чем хозяйка, – прощебетала Лялечка. – Но я должна вам сказать, что лампочки у меня перегорают одна за другой.

– Надо проверить проводку, – сказал Ронжин. – Но это не входит в обязанности дежурного электрика.

– Приходите вечером, часиков в восемь, и проверьте всё что нужно, – томно произнесла Лялечка и взяла Ронжина за руку. – Вы такой большой и сильный.

Она положила свободную руку на шар и посмотрела ему в глаза.

– Что я могу поделать, если я так обаятельна? – произнесла Лялечка, и Ронжин почувствовал, что эта женщина необычайно притягательна и красива и даже чем-то ему душевно близка.

– Хорошо. Продолжим наш разговор вечером. Вы ведь молчун, я угадала?

Ронжин пожал плечами, подтверждая догадку хозяйки.

– Вот видите: просто сама не знаю, что мне делать, если я всегда права?

– А чем плохо быть всегда правой?.. – сказал Ронжин, направляясь к выходу.

На улице он обернулся, но никого не увидел ни в окнах, ни на крыльце и не спеша отправился домой, где его ждала хворая жена, раздумывая над тем, что с ним произошло. И, зайдя в калитку своего дома, вынужден был признать, что Лялечка его заинтересовала и манерой своего поведения, и простодушной откровенностью, и кое-чем ещё, что Ронжин намеревался изучить и оценить уже сегодняшним вечером.

Хотя Ронжин не имел опыта самовольных отлучек из дома, это у него получилось как бы само собой.

– Кстати, Маруся, один из наших электриков попросил его подменить на дежурстве с восьми и до полуночи. К нему гости понаехали...

– Возьми с собой что-нибудь перекусить, есть пирожки с ливером, свежие.

«То ли я делаю?.. – спросил себя Ронжин, глядя, как жена заворачивает пирожки в бумагу. – Одно утешает, что об этом она не узнает, хотя пора бы ей и сообразить, что природа своё требует. Взять тех же кроликов. Как-то крольчиха сдохла, так кроль от тоски и скуки всю клетку погрыз. На нас, людей, посмотреть в тот же телевизор – один бабах да трах-перетрах...»

Приободрившись, Ронжин отправился натаптывать дорожку к дому Лялечки и очень быстро так поднаторел в этом деле, что мог дойти до него с закрытыми глазами и ни разу не споткнуться, в смысле что ни разу даже не был заподозрен Марией в супружеской неверности, а тем более в ней уличён.

- 3 -

Словом, повадился Ронжин ходить к Лялечке, как кувшин по воду, и, получив приглашение, оседлал велосипед, который только затем и приобрёл, чтобы поспешить к своей зазнобе, и скоро был возле знакомого дома, который, надо сказать, находился через три улицы. Перед тем как войти, он тренькнул несколько раз велосипедным звонком, но хозяйка не выглянула в окошко, как бывало, и Ронжин своим ключом открыл высокую глухую калитку, вошёл во двор, прислонил велосипед к крыльцу и отворил входную дверь.

Иногда игривая не по годам Лялечка встречала его на пороге, чтобы броситься желанному гостю на шею, но веранда была пуста, и Ронжину вдруг почудилось, что кто-то мимо него прошёл и расшевелил воздух, оставив за собой ощутимый след. То, что кто-то здесь только что был, подтверждали и открытые двери в сени и в комнаты. Ронжин оглянулся: дверь на веранду с крыльца, которую он только что плотно прикрыл, была полураспахнута. И ему вдруг стало зябко от сквозняка, хлынувшего из дома на улицу, и почти неудержимо захотелось убежать отсюда и не возвращаться никогда. Скорее всего, он так бы и поступил, но вспомнил о Лялечке: может, с ней что-то случилось.

Ронжин быстро вошёл в комнату и обомлел: Лялечка с закрытыми глазами лежала на диване и была мертвенно бледна. Он её окликнул, но ответа не дождался и, осторожно приблизившись к дивану, коснулся женского колена. По телу Лялечки пробежала дрожь, она дёрнулась и, открыв глаза, испуганно вскрикнула.

– Не надо так со мной играть, – обиженно произнёс Ронжин. – Я ведь и вправду решил, что тебе плохо.

– Что я могу поделать, если я... – начала в своей обычной манере Лялечка, но вдруг икнула и схватила его за руку. – Он ещё здесь?..

– Кого ты имеешь в виду? Здесь никого нет. Разве здесь кто-то был?..

Лялечка медленно поднялась с дивана и, ведя гостя за руку, обошла все комнаты, заглянула во все подсобки, даже в подпол.

– Вроде никого. Значит, он ушёл.

– Про кого ты говоришь?

Лялечка подошла к столу, схватила магический шар и поднесла его к глазам.

– Он умер, – трагическим шёпотом произнесла Лялечка.

– Кто умер? – Ронжин обнял плачущую женщину и усадил на диван. – Кто умер?..

– Мой шар, – всхлипнула Лялечка. – Он его умертвил.

– Нет, у меня, дорогая, от тебя голова кругом идёт, – начал сердиться Ронжин. – Я, пожалуй, отчалю. Меня кролики ждут, с ними и помолчать приятно. А у тебя что-то сегодня невесело. Говори: что с тобой случилось после того, как ты мне позвонила?

– Я звонила?.. Не помню, – Лялечка сжала ладонями виски. – Я помню лишь то, что хотела тебе позвонить. Но вдруг мне стало не по себе, я села на диван. Подняла голову и увидела старичка...

Ляля умолкла, а Ронжин, поражённый услышанным, вскричал:

– Что дальше было? Дальше!

– Он мне сказал, чтобы я перестала с тобой греховодничать... Брось, сказал, его, если живой хочешь быть... Я ему такое, говорит, горе приготовил, что мало не покажется...

– Значит, старичок приходил? – скривился Ронжин и, поднявшись, подошёл к окну.

– А ты что, его знаешь? – воскликнула Лялечка.

– По-моему, знать такое – это по твоей части. Я работяга, электрик, на меня в ЖЭУ за этот год, да и за прошлый, ни одной жалобы не было, а тут такой наезд. И что это за старикашка в нашем районе объявился? Моей жене он тоже являлся.

– Это тёмная сила, – прошептала Лялечка. – И ты её ко мне привёл.

– Может, не надо ля-ля?.. – вспыхнул Ронжин. – Тёмная сила!.. Я знаю одну силу – силу электричества. А всё остальное, извини, бабий трёп.

Ронжин вышел из комнаты, но скоро вернулся с бутылкой водки и двумя рюмками.

– Ничего, что я похозяйничал? – развязно сказал он, откупоривая зубами бутылку. – Сейчас мы всю тёмную силу разгоним, а мало покажется – ещё нальём. Правда, Лялечка?

Она попыталась улыбнуться, но смогла только сморщить губки и взяла поданную ей рюмку подрагивающей рукой. Ронжин, наперекор чувству страха, который начал ощутимо познабливать ему нутро, напустил на себя весёлость. Лихо опрокинул в рот одну, а за ней и другую рюмку водки, облапил и притиснул к себе подрагивающую Лялечку и уже примеривался, как бы удобнее опрокинуть её на диван, как по железной крыше дома забарабанили капли дождя, в открытые форточки пахнуло грозовой свежестью, где-то совсем близко, совсем рядом с потяготливым треском начал громыхать и грохотать гром и засверкали молнии.

Лялечка вырвалась из ослабнувших объятий Ронжина и, подбежав к книжным полкам, начала что-то искать, перекладывая книги, блокноты, журналы и декоративные безделушки.

– И что вы там ищете, мадам? – икнув, осведомился Ронжин, успевший выпить уже четвёртую рюмку водки. – Наверно, что-нибудь особо ценное, что вполне мог спереть или стырить – впрочем, неважно, как это назвать, – украсть этот мерзкий старикашка.

– Господи, ну куда же она подевалась! – воскликнула Лялечка и уронила на пол стопку книг. – Наконец-то!

Она опустилась на колени, что-то взяла в руки, прижала к губам и, закрыв глаза, начала взад-вперёд покачиваться.

Ронжин, освободив очередную рюмку от содержимого, подошёл к ней и с трудом разжал плотно сомкнутые руки женщины.

– И как тебя понимать? – сказал он, разглядывая совсем маленькую иконку с изображением Богоматери и младенца Иисуса. – Ты что, верующая?

Резкий удар грома потряс жилище. Он был такой силы, что рюмки на столе заприплясывали, и на полке книжного шкафа зазвонил будильник. Ронжин подошёл к нему, отключил

и услышал, как Лялечка, что-то пробормотав, замолкла. Он повернулся к ней и увидел, что она стоит на коленях и едва сдерживается, чтобы не разрыдаться.

– Я не смогла перекреститься, – всхлипнула Лялечка. – Руку подняла, а куда опустить, не знаю...

– Если не удалось помолиться, то, наверно, в самый раз согрешить, – дурашливо хохотнув, сказал Ронжин. – Прячься подо мной и забудь всё плохое.

Он распахнул руки и попытался обнять Лялечку, но она отбежала к дальней стене и крикнула:

– Уходи! Я не могу и не хочу тебя видеть!

– Как уходи? – опешил Ронжин. – Ты что, меня выгоняешь?

– Уходи! И забудь сюда дорогу.

Ронжин не обиделся, по строгому счёту Лялечка его забавляла, но душу не затрагивала. Сегодня она была не в себе и могла устроить скандал, и это его испугало.

Он с сожалением глянул на оставшуюся водку, шагнул к столу и опорожнил досуха бутылку из горлышка.

– Счастливо оставаться, мадам!

Он сделал два шага и остановился, надеясь, что она его окликнет, но этого не случилось, Лялечка была так удручена случившимся, что ничего не видела и не слышала. Ронжин сделал ещё шаг, и в этот миг из окна ему ударил в глаза луч солнца, Стало тихо, и откуда-то с улицы донёсся жалобно-требовательный плач котёнка.

– Ну я пошёл! – произнёс он внезапно севшим голосом и толкнул дверь, хотя покидать жилище ему совсем расхотелось.

Дверь на веранду оказалась входом в почти непроницаемую темноту. Грозовые тучи опять налезли друг на друга, ливень хлынул с прежней силой, в небе с треском ломались молнии и оглушительно загрохотал гром. Открыв дверь на крыльцо, Ронжин увидел на нём освещённого молниевой вспышкой мокрого чёрного котёнка, который зашипел и, выгнув спину дугой, пошёл ему навстречу.

– Ах ты, гад, – пробормотал Ронжин и попытался обойти его стороной, но котёнок, зашипев, прыгнул, вцепился ему в штанину и, вонзая когти в тело, полез по человеку наверх. Это было неожиданно и потому очень страшно. Ронжин схватил котёнка, отодрал его от одежды и отбросил в сторону. У него мелькнула мысль вернуться в дом, но он усилием воли подавил приступ слабодушия и сбежал с крыльца, где на него обрушились почти непроходимые потоки ливня.

Вытащив за калитку велосипед, он взгромоздился на него, поставил ногу на педаль и ужаснулся: чёрный котёнок был рядом и готовился опять вцепиться ему в штанину. Ронжин, толкая велосипед перед собой, выбежал на почти сплошь покрытый потоками воды уличный асфальт, забросил ногу через сиденье, что есть силы надавил на педали и помчался по улице, рискуя каждый миг упасть наземь и расшибиться.

Дальше переднего колеса велосипеда ничего не было видно. Вода лила как из ведра сверху, летела из-под колёс снизу. Вспышки молний временами освещали улицу, и Ронжин пристально вглядывался вперёд, чтобы не пропустить поворот на свою улицу. Своего преследователя он не видел, но тот был рядом, и стоило только чуть притормозить, как котёнок давал о себе знать шипением и противным плачущим криком.

Повернув на свою улицу, Ронжин попал в ещё большую темноту из-за высоких и густых тополей, которые, намокнув, с порывами ветра обрушивали на него добавочные к ливню потоки воды. До дома оставалось не больше сотни метров, это Ронжин понял по тому, что асфальт закончился, дальше шла насыпная – глина и щебень – времянка. Велосипед забуксовал, и он, сойдя с дороги на тропку, покатил его, ругая себя за то, что не остался у Лялечки: лежал бы сейчас на чистых простынях – так нет, попёрся спьяну в грозу и ливень. Однако вполне здравые рассуждения вмиг испарились, когда Ронжин увидел впереди себя взъерошенное и мокрое существо, которое, посверкивая глазами и оскалив клыки, приближалось из зарослей

акаций. По виду это был всё тот же котёнок, только он стал много крупней, клыкастей и когтистей. В этот раз он не шипел, а двигался в полной уверенности, что от него некуда деться. Это понял и Ронжин и похолодел от ужаса. Его преследователь был от него не более чем в двух метрах и припал к земле, чтобы прыгнуть со всех четырёх лап, но человека спас заложенный в нём инстинкт самозащиты. Он швырнул велосипед на изготовившегося к нападению врага. Жалобно тренькнул велосипедный звонок, лапы зверя попали между колёсными спицами, и, он, почувствовав боль, заверещал и задёргался, как в капкане.

Удар грома побудил Ронжина к действию, и он не выбирая пути рванул изо всех сил напрямик через огородные зады к своему дому. Ноги несли его сами, страх придал ему силы, и забор своего огорода он преодолел одним махом, подбежал к крыльцу и как подкошенный рухнул наземь. Его сразило то, что возле двери его встретил всё тот же котёнок, правда, ставший вчетверо больше, чем тот, что явился в первый раз на Лялечкином крыльце, но это был он. И последнее, что увидел Ронжин перед тем, как в его глазах померк белый свет и на него обрушилась гробовая тьма, были громадные когти, нависшие над ним, как вилы, и он завопил, пронзительно, истошно и безнадёжно.

- 4 -

Хотя гром и ливень продолжали бесчинствовать над околотком, до Марии донеслись вопли подгулявшего мужа, и она, встав с кровати, вышла в коридор и включила наружный свет перед домом. Затем сунула ноги в галоши, открыла замок и, отшатнувшись, перекрестилась: на лежавшем лицом кверху муже сидел котёнок, который, увидев хозяйку, жалобно замяукал и юркнул под крыльцо.

Озябший под проливным дождём Ронжин зашевелился, привстал на четвереньках и попытался залезть на крыльцо. Наконец с помощью жены он преодолел ступеньки и разлёгся на досках, положив голову на порожек сеней.

– Вставай, – сказала, всхлипнув, Мария. – Ведь простынешь, на тебе нитки сухой нет.

Ронжин открыл глаза, неузнавающе глянул на жену и стал подниматься на ноги.

– Давай я тебе помогу, Лёшенька. Держись за меня. Вот так. Теперь присядь на скамеечку, а я тем временем ванну приготовлю. Я котёл сегодня включила.

Ронжин тяжко опустился на крылечную скамеечку и полез рукой во внутренний карман пиджака. Нащупал смятую пачку сигарет, попытался закурить, но спички не загорались, а только шипели.

– Дай в зубы, чтоб дым пошёл, – пробормотал он.

– Что дать-то?

– Спички, видишь, у меня намокли. Хотя погоди, – Ронжин выплюнул сигарету и заоглядывался. – Ты тут ничего такого не видела?

– Чего такого я должна была видеть?

– Ну такого, похожего на кошку, – подрагивающим голосом произнёс Ронжин. – Только побольше.

– Если котёнок похож на кошку, – сказала Мария, – то его я видела.

– Где?

– На тебе сидел и пищал. Почему ты об этом спрашиваешь?

Ронжин, не ответив, чиркнул о коробок спичкой, и она загорелась. Прикурив, он недовольно буркнул:

– Чего ждёшь? Иди, делай, что надумала.

От выкуренной второпях сигареты у него закружилась голова, воспоминания путались, одна картина мешалась с другой, он много помнил из того, что с ним было в доме Лялечки, а всё дальнейшее заслонил постоянно увеличивающийся в размерах котёнок. И только Ронжин о нём подумал, как из-под крыльца явственно донеслось мяуканье и шипение, а затем послышалось царапанье когтей по железу.

«К водосточной трубе примеривается, – содрогнувшись, понял он. – Хочет забраться на чердак и устроить там своё логово».

– Пойдём, Лёшенька, я воду приготовила, – сказала Мария. – Идём, я тебя поддержу.

В сенях она заставила его снять с себя мокрую одежду, и когда он в одних трусах вошёл в ванную, вскрикнула.

– Где же ты так оцарапался? И ноги, и руки, и спина, и даже лицо – все в царапинах. Глянь на себя в зеркало.

Пока Ронжин рассматривал себя в зеркало над умывальной раковиной, Мария успела найти домашнюю аптечку и начала обрабатывать царапины зелёнкой.

– Ты мне должен сказать: откуда у тебя царапины?

– В малиннике оцарапался.

– Не лги, – строго сказала жена. – Я медсестра со стажем и вижу, что тебя оцарапали или ногтями, или ещё чем-то похожим.

– Ясно: ревнуешь, – усмехнулся Ронжин. – Да не бабьи эти царапины, а кошачьи, точнее котёночьи.

– Это я и хотела выяснить, – сказала Мария. – Я сразу поняла, кто тебя оцарапал. И это, скорее всего, котёнок, которого я видела.

– Пусть котёнок, и что?

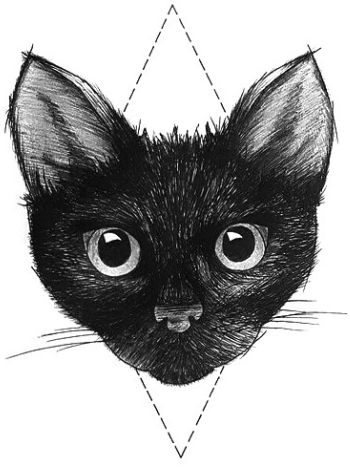
– А то, Лёшенька, что он наверняка бешеный.

Ронжин от нечего делать почитывал популярную медицинскую литературу и о бешенстве кое-что знал.

– Ты считаешь, что эта тварь... что эта тварь заразила меня водобоязнью? – с трудом сглотнув слюну, прохрипел он.

– В любом случае уколы ставить надо. Так что купаться не будем. Надень всё чистое, а я вызову «скорую».

«Раскомандовалась, – хотел сказать Ронжин, но не сказал. – Ожила, что ли? И разрумянилась, и глаза поблёскивают, точно у здоровой. Видно, ей моя беда пошла на пользу».

На вызов медики явились без промедления и сразу принялись искать источник инфекции – котёнка, но не нашли. Ронжина доставили в травмпункт, осмотрели и уложили на больничную койку под капельницу, хотя он сопротивлялся и уверял всех, что здоров. Но когда ему сделали укол в живот и объяснили, что в течение полугода ему нельзя пить хмельного, то он притих и от жалости к себе слегка прослезился.

Домой Мария вернулась под утро. Открыв калитку, она насторожилась, выглядывая котёнка. В какой-то миг ей почудилось, что он стоит на балясине крыльца, но заголосил соседский петух, оповещая на всю округу, что время тёмной силы подошло к концу, и хозяйка прошла в дом без всякой опаски. Она уже решила, что пойдёт к утрене в храм и после неё упросит батюшку освятить своё жилище.